

*Общеобразовательная школа
с углубленным изучением немецкого языка №1269
г.Москва*

*Мемориальный музей Евгении Коваленко
(7 апреля 1980 — 13 октября 2000 гг.)*

«Вдохновение»

*Альманах
творческих переводов учеников школы*

выпуск 3

*поэзия и проза на тему,
«Поиск смысла жизни»*

2011 г.

*Альманах «Вдохновение»
(выпуск 3)*

*включает творческие работы учеников школы №1269
(поэзия и проза на тему «Поиск смысла жизни»)*

Составитель:

*Эльвира Александровна Арефьева,
учитель русского языка и литературы*

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображение,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.

А.С.Пушкин

Вдохновение... Его призывает и поэт, и артист, и учитель. Оно создаёт особую атмосферу, в которой рождается творчество: творчество учителя, создающего урок, и ответное творчество учеников. Только при таком условии формируется устойчивое желание постигать, узнавать, исследовать, тогда рождаются идеи, требующие воплощения на школьной сцене, в интеллектуальных играх, в творческих альманахах.

Ян Корчак писал: «Поэт - это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется, сочувствует. И дети такие». Дети – конечно же, поэты. И задача взрослых, родителей и школы, не дать «остыть душе поэта», побуждать к творческому поиску. В кабинете литературы нашей школы богатейший материал «пробы пера» юных поэтов. Стихи старшеклассников предыдущих поколений поражают воображение сегодняшних молодых людей, часто возбуждают желание попробовать себя в мире поэтических созвучий, выразить своё отношение к жизни.

В музее Евгении Коваленко, знакомясь с картинами автора, её опытами в публицистике и драматургии, телерепортажами, внимательные юноши и девушки удивляются тому, как в работах Жени странным образом совмещается яркая детская наивность рисунка с глубоким остро и жестко поставленным вопросом: «Зачем и как мы живем?». А философские и критические статьи Жени открывают для них глубокий мир ВДОХНОВЕННОЙ личности.

Читая, думая, размышляя, включаясь в творческий поиск, молодой человек начинает томиться «духовной жаждой», формирует в себе человека чувствующего и сочувствующего. Результатом творческого поиска и становятся альманахи юных поэтов.

Дай Бог любимых обнимать,
Не усомниться в лучшем друге.
Дай Бог вам видеть, понимать,
Чтоб не пропасть в житейской вьюге.
Дай Бог вам радости, мечты,
И совести, и укоризны.
Дай Бог небесной чистоты,
И дай вам Бог мгновенье жизни.

АРЕФЬЕВА Эльвира Александровна,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РОССИИ

Особое место в творчестве Евгении занимают картины из серии «Жизнь...»

Представляя на выставках рисунки Евгении Коваленко для широкого круга зрителей началась жизнь ее удивительных картин, удивительных как синтез человеческой мысли и человеческого чувства, как один из способов постижения жизни. Но художник не только постигает жизнь, делится своими мыслями. Он еще и учит, даже если первоначально не входит в его планы. Учит не навязчиво, не дидактически – учит исподволь, учит виртуозно, и только того, кто хочет научиться. Картины Жени- это и жизнь, рассказанная автором, и учебник жизни, открытый и понятный тем, кто был с ней рядом. Объемны его параграфы, сложны правила его грамматики, поэтому всем остальным придется основательно потрудиться, дабы одолеть нелегкую науку понимать художника. Из картин, написанных Женей в период с 1998 по 2000 гг. мало найдем работ, так сказать, описательного или повествовательного характера: натюрморт, пейзаж, жанровую сценку. Куда больше картин-размышлений, картин-предвидений, даже картин-пророчеств. Уже только лишь по названиям понимаем, что интересовало Женю больше всего - ЖИЗНЬ. Судите сами: «Маска жизни» «Светофор жизни», «Лабиринт жизни», «Мельница жизни». Все эти картины не напрасно получили такое название : это размышления о жизни, ее течении, ее завершении, ее смысле, наконец. Причем, это не отвлеченные рассуждения, не теория, неприменимая к нашей повседневной жизни. Напротив, это взгляд активного участника со стороны. Это о нашем, это про нас. «Лабиринт жизни» - что же она называет лабиринтом? Были варианты : перекресток трех дорог, как в сказке; игровое поле с фишками и кубиком-косточкой...- нет! - город. Да, да, темные жилые дома, которые сами жители прозвали «Башнями», редкие огоньки в окнах (вероятно, уже очень поздно), грязно-серый асфальт. Одним словом городской пейзаж-2000, наблюдаемый нами ежедневно. Что же тут особенного? И только спустя время догадываемся - представляем себя в маленькой черной фигурке, исчезающей под темной аркой то ли бетона, то ли перезрелой августовской листвы. И вдруг стало нестерпимо жалко этого маленького человечка: своей судьбой человек всегда обеспокоен более, нежели постороннего героя картины. Стоит только на минуту представить себя на месте одинокого пешехода, пересекающего улицу, как в сознании сами собой возникают вопросы : А) Куда я иду? Домой или из дома? Спешу кому-то навстречу или убегаю от кого-то? Б) Город - это друг или враг? А не лучше ли было бы жить в маленьком городе, где вечные сумерки и вечные колокола? В) неужели я потеряюсь среди груд железобетона и асфальта, не замечу главного - дороги домой? Ведь уже так темно и поздно; Г) а, собственно, поздно для чего? Для того, чтобы идти в гости или домой? Поздно убежать или идти навстречу? Поздно думать, поздно бояться, ждать, звать, кричать о помощи...? Такой ли реакции зрителя ждала 19-летняя художница, когда создавала «Лабиринт...». Думаю, она не планировала играть на эмоциях, вызывать в сознании зрителя ту или иную мысль. Она просто говорила о себе, а заодно и обо всех нас. А ее картина теперь договаривает: «Остановись. Задумайся на минуту. Я и эта минута покоя дадим тебе возможность подумать. НЕ потеряй свой шанс».

А вот картина «Маска жизни». Она имеет хотя и более отвлеченный сюжет, но зато знакомый каждому, способному делать выводы из собственного жизненного опыта. Картина с лингвистической точностью иллюстрирует слово «лицемерие» и его философский смысл. В главном герое несложно угадать лицемера. Он примеряет чужие лица и делает их частью своего «сценического образа». Вот о ком можно сказать «вся жизнь прошла в гриме». Да, лицемер примеряет маску того, за кого себя выдает, и лицо его приобретает искусственный наигранный, деланный, одним словом, нечеловеческий вид. Но вот что еще более ужасно: когда он снимает маску, лицо его не возвращает себе человеческие черты, оно принимает на себя порцию лицемерия и лжи своего хозяина, преображающие его до неузнаваемости. Так в сознании человека стирается граница между маской и естеством, игрой и жизнью, позерством и искренними чувствами. При этом краска стыда заливает не лицо лицемера, а маску, которую тот держит в руке. Ну, чем не сюжет для русского варианта уайлдовского «Дориана Грея». Маски-то меняются быстро, но ведь сущность человеческого характера неизменна. Так давайте узнаем, чье оно - лицо нового лицемера.

И, наконец, последняя картина из серии «... жизни» - «Светофор...». С размышлениями о жизни здесь соседствует нечто большее, почти мистическое, роковое. Трудно себе представить человека, живущего «memento mori», но эта Женина работа невольно наводит на мысль : Неужели знала? Неужели чувствовала? Неужели предвидела, что с судьбою придется встретиться на дороге, перед горящим трехглазым фонарем с застывшим в уголках губ неммым вопросом :

«Можно идти дальше? Будет для меня зеленый свет?». И что значит эта тоненькая струйка краплака - только ли растекшуюся каплю гуаши на мелованной поверхности белого листа? Если 20 прожитых Женей лет - это вздох, то эта картина - не что иное, как выдох.

Говорят, Женя до боли любила этот вздох, зовущийся жизнью. Почему же так мало выпало на ее долю? Может быть, потому она так спешила жить, что шестым чувством улавливала скорый уход. Трудно говорить о ее картинах, не говоря о жизни, трудно говорить о ней, не говоря о смерти. И это вовсе не значит, что ее работы навевают мрачное настроение. Нет, напротив, именно потому, что они так же полны жизни, как красок, они напоминают Женину судьбу, где ключевым словом было слово «жизнь». Несколько перефразируя Пастернака в «Докторе Живаго», утверждаю, что искусство - это вечное постижение человеком тайны смерти и, в конечном счете, убедительная победа над смертью. А значит - вечная жизнь. Та самая, что дает начало искусству. Вот такой круговорот ... жизни.

Краснюк Екатерина

«Светофор жизни», 1999

«Мельница жизни», 1998

«Лабиринт жизни», 1999

«Маска жизни», 1999

Этот день не придет
That day never came,
That day never comes.
I've been waiting forever.

Этот день не придет. Не очнусь я во сне,
И не плыть облакам в фиолетовой мгле.
Этот день не придет. Не коснутся земли
Ярко-красного солнца золотые лучи.
Этот день не придет. Он затерян во тьме.
Этот день растворился без следа в пустоте.
Этот день не придет, и не нужно страдать,
Нужно просто забыть, слепо чувства предать
Этот день не придет, не придет никогда...
Мы не встретимся взглядом, и не дрогнет рука.
Этот день не придет. Мы же знаем с тобой,
Этот день поглотил вечный времени рой.
- Этот день не придет! - будет разум кричать .
Пусть кричит, я ведь буду всей душой желать.
Этот день не придет, но всему вопреки
Буду верить и ждать, и гореть от тоски.
- Этот день не придет, но с тобой навсегда
Я останусь до смерти бесконечно чиста.
И, возможно, когда-то в параллельных мирах
Воедино сольется наша вера в глазах...
И, пожалуй, останется лишь с улыбкой сказать:
- Этот день не придет?.. Нужно верить и ждать!

Жукова Анастасия

Прошла уж четверть жизни. Веет новым.
А десять лет все тянут за собой.
Я счастлив. Я давно свободой скован,
Как слово сказано прокушенной губой.
 Весь мир соткан из легкой, нежной ткани,
 И, к счастью, мне пока не виден край.
 Я говорил однажды, был на грани,
 А истина пусть прячется за грань.
Что верх, что низ - почти одно и то же.
Да неужель она не жизнь? Вранье.
Закрывать глаза, и в пустоту - О боже,
Люблю тебя. Спасибо за нее...

Сухов Михаил

И все ж ты птица. Ты, наверно , лебедь ,
Заплывшая из скромности под мост.
Смотри, как меж спокойных белых звезд
Он пишет лишь одной звездой на небе.
 И вечер. Снова строки на судьбе.
 И, дописав до сбившегося края,
 Он, следуя по мысли Макса Фрая,
 Сжигает лист, все унося в себе.
Живет любя, и жизнь горит, как вата.
Ведь кто несет то волшебство внутри
И ничего притом не говорит,
Тот и собой ежесекундно платит.

Сухов Михаил

ТЕНЬ

*Не оставляя за собой следов,
Пройти сквозь чью-то жизнь
Неясной тенью. Тихо.
И догореть костром,
Без права на «потом...»
Я в чьей-то жизни шрам,
Я в чьей-то жизни весна,
И для кого-то гений,
Для кого-то — пень,
Но только это все не про тебя,
И в твоей жизни я всего лишь...
Люмен*

Это социальная система? Наверное. Ты — нечто материальное, человек, я бы сказала, а я в твоей жизни — тень. Именно поэтому я сижу сейчас на лавочке в центре города, подняв воротник своего черного пальто. Да, это система. Ведь я для кого-то тоже вполне осязаемое физическое тело, в то время как этот человек существует для меня лишь темным пятном где-то на периферии моего сознания. И все-таки мы связаны, хоть и такими странными отношениями.

Сегодня, наверное, последний светлый день. И солнце клонит свою румяную голову к Западу. Интересно, солнце хочет спать? Солнце вообще хочет чего-нибудь? Оно горит. И я горю. Но в твоей жизни я уже прогорела, до уголька. Ты заштриховал этим угольком кусок асфальта у твоих ног. Теперь это я. Приятно познакомиться.

Листья - красные, оранжевые, желтые - такие равнодушные, шуршат — перешептываются под ногами прохожих. Я одета в черное. Меня не замечают. И правильно, никто никогда не обращает внимания на тени. Вот раздался звон колоколов, и вся Москва в моем сознании внезапно сузилась в площадь, на которой стоят все церкви нашего города. Я слушаю эти удивительные созвучия. И в них не звучит твой голос. Да я и не помню, как он должен звучать. Твое лицо внезапно отдаляется, расплывается, обволакивается дымкой, будто я смотрю на тебя сквозь запотевшее стекло трамвая.

Слава Богу, что в моем городе еще ходят трамваи.

Это не письмо. Ни в коем случае не письмо. Ведь письмо должен кто-то читать. Это не исповедь. Я не сделала тебе ничего плохого, мне не в чем каяться. Я не пытаюсь излить душу, я излила ее в слезах полгода назад. С тех пор она пуста и суха, как графин, который ставят на стол только по большим праздникам. Я не знаю, что это. Но точно не то, о чем ты думаешь. О чем бы ты не думал.

Я живу в городе красивых женщин. А я не вписываюсь в пейзаж. Меня даже женщиной назвать трудно. Мне привычней — маленький потерянный ребенок. Или просто тень. Ты сейчас, наверное, сидишь где-нибудь на другом бульваре с красивой женщиной, ведь здесь других не бывает. И она слушает твои слова о любви и смерти, внимательно, впитывает каждый звук своими нервными клетками. У нее они так называются, потому что осуществляют функцию транспорта нервных импульсов в мозг. У нее есть нервные клетки, мышечные клетки, клетки крови, эпидермис. А у меня — все клетки нервные. Я их так называю не по выполняемой функции, а по состоянию, по ощущениям. Я вокалист. А вокалист, как говорит моя преподавательница, всегда оголенный нерв. И я каждой порой своего тела впитываю любовь и смерть — единственное, о чем стоит разговаривать. Где-то меня ждет мансарда, на окне которой я буду выращивать розы. Честно говоря, ненавижу розы. Но когда выпадет снег, на фоне такой ослепительной белизны они будут казаться артериальной кровью, горячей и бьющей ключом. Как моя. Ты знаешь, что тени тоже кровоточат? И я осознаю, что при других обстоятельствах мы бы могли

просыпаться в одной постели, любоваться на розы, вместе варить кофе и улыбаться друг другу. Но тени не улыбаются. Хотя и пьют кофе.

Тени предпочитают невозможность события. Именно поэтому я так дорожу тобой. Потому что ты невозможен. Во всех смыслах этого слова, которые ты только сможешь вспомнить. Вот и думай, что я хотела сказать этими словами.

Мне светло. Моя печаль светлая, как топленое молоко в твоей чашке. Хотя нет, ты же не пьешь молоко. Ты пьешь черный кофе с коньяком. Боже, что же с твоим сердцем? Хотя, скорее всего его просто нет. Я не встречала людей с сердцем. Вернее с сердцем, способным на любовь.

Хотя что это я заговорила о любви? Я знаю о ней не больше твоего. Я тоже никого никогда не любила. Хотя... Но точно не тебя. Свою маму, своего кота, театр, ромашки... Но не тебя. Я лгала. И ты не представляешь, как мне сладко об этом говорить.

Ты понимаешь, почему ты мне так нужен? Потому что без мыслей о тебе я светлею. А чем светлее тень, тем скорее она исчезнет. Я не хочу исчезать. Ты — яркий луч, прожектор, благодаря которому я существую. Но ты не заменишь солнце. Ты — не солнце. Слишком искусственный, чтобы быть им. Но так же обжигает. Что бы было со мной, если бы я обняла солнце? Черная обуглившаяся дыра в груди вместо сердца. Нет. Слишком ненаучно. Я по натуре логик. И я знаю, что солнце обнять нельзя. Впрочем, и тебя тоже. А когда-то я тебя обнимала, не боясь ожогов. Наверное, твои чувства были не такие горячие. Но мне было тепло. Спасибо. Ты и мой кот. Спасибо за тепло. Один твой приятель пытался посмотреть на меня с теплотой. А я в его глазах увидела только жалость. Скажи мне, почему все они меня жалеют? Твои друзья? Я же в этом не нуждаюсь. Я же знаю, что ты все-таки мой. Потому что ты меня отбрасываешь.

Более того, я уверена, что ты также нуждаешься во мне. Ты бы не смог жить без осознания того, что ты кому-то нужен. Тем более, ты совсем не делаешь мне больно. Тени ничего не чувствуют. Почти ничего. Как только я потеряла тело, я разучилась плакать. Думать о том, что если я даже и захочу зареветь, то не смогу, доставляет мне радость. И ее я чувствую сполна. Иногда я чувствую печаль. Такую светлую и нежную, похожую на первый весенний цветок, только что выглянувший из-под снега.

А ты, наверное, и мог даже подумать, что оставив меня одну, сделаешь меня счастливой. Нет, ты не так понял. Мне не очень нравится быть тенью, хотя быть тенью лучше, чем быть вещью. Но мне нравится чувство свободы и ненужности ответа. Мне нравится, что я ничего не жду, пью кофе и выращиваю розы на окне, пусть пока и не в мансарде. А еще больше мне нравится, что я могу писать о тебе. Это не стихи, потому что я смогла высказать это прозой. Это не проза, потому что для прозы здесь слишком мало смысла. Но это то, что живет в моем сердце, моей голове и моих руках. И пока я могу петь об этом, я буду абсолютно счастлива.

Прости меня, что так вышло. Я честно не хотела быть счастливой после тебя. Но это выше моих сил — страдать, если есть еще силы терпеть, говорить, улыбаться. Жить. Я улыбаюсь, не только вспоминая муть твоих серых глаз и тебя, нахохлившегося, что твой голубь, под черным зонтом на автобусной остановке. Я улыбаюсь другим людям, для которых я вполне материальный объект. Улыбаюсь часто и много, до рези в скулах.

И если ты вдруг захочешь кого-нибудь полюбить, просто улыбнись этой красивой женщине. Ведь других в моем городе не живет.

Русакова Маргарита

Ищите Жизнь в дыхании Света,
В прикосновении крыла
Того, кого пред Вами нету,
Но сущность чья всегда была.
 Вы Вдохновение ищите
 В игре луча, что Свет родил,
 Его тепло другим дарите,
 Равно, как Бог Вас наградил.
Ищите Разум в искрах Света,
В эфирных вспышках темноты,
Что на Вселенную надета,
Скрывая Мудрости следы.
 Любовь свою в тепле ищите,
 Что ровно Свет на Землю льет,
 Ее от страсти сберегите,
 Сей жар в душе разбудит лед.
Надежду в отблесках ищите,
Что Свет неуловимо шлет
С закатом в древности обитель,
С рассветом под небесный свод.
 В сиянии Света вы ищите
 Обитель Веры, тот оплот
 И от уныния спаситель,
 Что сердцу крепость придает.
Вы в том ищите силы к жизни,
Кто Свет потоками несет,
Чей лик эфирами пронизан,
Себя в ком каждый сознает.
 Себя ищите в Его Свете,
 В Его дыхании и тепле,
 Он Вас Любвию отметил
 С Надеждой в Мудрость на Земле...

Авдеева Ирина

Под знаком Бета Канис Майорис

Из-за деревьев показались каменистые берега озера. Поднимаясь по крутому склону горы, я изредка поднимала голову вверх, пытаясь разглядеть сквозь густые кроны деревьев, темно-бархатное небо. После дождливого дня, ночной небосклон был на удивление чистым. Будто бы хрустальным. И оттуда на Землю царственно глядел Альфа Канис Майорис — ярчайшая звезда этого неба. - Знаешь, звезды одиноки, - говорю я ему. Но он молчит, и я иду вперед. Альфа КМ лишь загадочно глядит на меня. - Хочешь сказать, что ты не один? - спрашиваю я у него. Мне никто не отвечает. Звезды тоже могут обижаться. - Бабушка мне рассказывала, что, когда люди умирают, они попадают на небо. И там зажигается новая звезда, - неуверенно начинаю я. Мне до него далеко — 9 световых лет разделяют нас. Я выхожу к озеру. Пробираясь через валуны, так упорно преграждавшие мне путь, подхожу к берегу, поближе к водной глади, которое, будто зеркало, отражает холодное небо. Удивительно, значит на Земле, на этой маленькой планете, живут звезды. И сейчас я стояла перед нашим, Земным, небосклоном. Вода была прозрачной и холодной. И рассекая водную гладь, разливаясь мириадами маленьких осколков небес, безмятежно течет Млечный путь — звездная дорога. Интересно, куда она ведет?

«В вечность» - как бы отвечают звезды на мой немой вопрос. «Тогда всем нам когда-нибудь придется пройти по этой тропе», думаю я. Кто знает: может быть, они что-то хотят сказать нам, может быть, поделиться с нами своей болью или рассказать о том, что они уже многие миллиарды лет наблюдают на этой крошечной планете. Я вдруг вспомнила, что наша галактическая жизнь составляет всего две-три минуты. И стало как-то не по себе...

Есть только этот миг, две с половиной минуты, которые живет человек. Это забавно, люди думают, что живут на этой планете восемьдесят-сто лет, а на самом деле, для этих холодных гигантов проходит всего две-три минуты. И так будет всегда. Таким же и будет Альфа Канис Майорис. И нас разделяет расстояние гораздо большее, чем две с половиной минуты. Нас разделяет вечность человеческого небытия, хотя человек не вечен.

И теперь, это звездное небо, отражающееся в озере, казалось чем-то страшным, чем-то несправедливо жестоким, неведомым палачом времени, отсчитывающего мои две с половиной минуты. Теперь я стояла на краю пропасти, безмятежно и отчужденно глядел на меня Альфа Канис Майорис. Он всегда молчит, он не любит разговоры. Он лишь живет этой безмятежной звездной ночью, этим пением цикад и звоном хрустальной речной воды. Эту грань он перешел.

Самая яркая звезда, самая холодная из звезд. А ведь когда-то свет его был наполнен теплым ярко-алым светом... В голове с удивительной скоростью вращались мысли. И почему-то все они были связаны со Вселенной. Все звезды одиноки, еще недавно говорила я, а сейчас вдруг вспомнила, что иногда встречаются и бинарные звезды. Каждый человек — звезда и он не один. Расстояние девяти световых лет было преодолено, быстро и просто. Стоило только прочувствовать: Канис Майорис — бинарная звезда, а значит, не одинока. Существует Бета Канис Майорис, пусть и не такая яркая, но без нее жизнь Альфа КМ будет неполной, пустой и ненужной. Звезды тоже нуждаются в тепле.

И сейчас, глядя на водную гладь, в котором отражалось это небо, я ощутила себя под знаком Бета Канис Майорис — второй частью бинарной звезды.

Зайцева Ольга

Деревянные часы

Деревянные часы мерно отстукивают время,
Напоминая. Сколько каждому из нас осталось жить.
Все наше покорное слепое человеческое племя,
Ждет, когда часы остановятся и будут бить.
 Часовая стрелка приближается к новой отметке,
 Напоминая, что вся наша жизнь делится на этапы.
 А душа бьется, как птица, запертая в золотой клетке.
 Плачет, как щенок, что не может подняться на лапы.
Минутная стрелка спокойно начинает новый круг.
Напоминая, что все идет по чьему-то старому плану.
Душа в унисон с сердцем бьется внутри, и их стук
Как неясное эхо звучит, он красив и многогранен.
 Секундная стрелка глухо тикает в тишине,
 Напоминая, что каждый наш шаг кто-то считает.
 Душа слепо мечется в теле, как будто человек в огне.
 И никто в этом мире ее от самой себя не спасает.

Себенцова Анна

Красное небо

Скажи мне, небо, отчего ты красное?
Ведь солнца луч, тебя окрасивший,
За горизонт спустило солнце ясное.
И погасило луч, краски растративший.
 Скажи мне, небо, неужели ты
 Светом огней желто-оранжевых
 Решило заменить краски звезды
 Тебя в свои цвета окрасившей?
Свет фонарей искусственный на улицах
Тебя окрасил в краски нереальные,
Как будто тучи по тебе прогуливаются
И нам напоминают жизнь в страданиях...

Себенцова Анна

Отрывок из рецензии на документальный фильм Герца Франка «Старше на десять минут»

... Умение преподнести будничное явление как открытие Америки отличает и Герца Франка.

В пересказе его фильм «Старше на 10 минут» просто потрясает. В течение десяти минут мы видим лицо мальчика, который смотрит спектакль. Он становится на десять минут старше. Такая простота сюжета - ответить с помощью такого нехитрого сценария на столько философских вопросов, построить столько метафор.

Мальчик – как символ всего человечества, смотрящий на жизненный спектакль; мальчик, взрослеющий во время спектакля, который показывают ему взрослые; различные жизненные позиции людей (вот молчаливый ребенок, возможно, будущий разведчик или госчиновник, а вот непосредственная живая реакция на происходящее – кем станет этот малыш? Как пройдет его взросление?), поставлен вопрос о воздействии на человека искусства, по-своему, отображена проблема одиночества в коллективе (никто из детей не реагирует одинаково, где девочка улыбается, мальчик пугливо озирается).

Главным, конечно, остается изображение взросления ЧЕРЕЗ ПЕРЕЖИВАНИЕ (подспудно стоит вопрос: В ЭТОМ ЛИ СМЫСЛ ЖИЗНИ?)...

Коваленко Евгения

Дорога из желтых кирпичей
Каждую минуту, каждый час,
Каждый день человек творит.
И дело в руках любого из нас
Как пламя огня горит.
У любого из нас в жизни есть цель,
И к ней мы стремимся всегда.
Мы ломаем стены, пролетаем в щели,
И цель — путеводная звезда.
И ведет звезда через свет и тьму,
По пути из раскаленных углей.
И каждый из нас построит свою
Дорогу из желтых кирпичей.
Себенцова Анна

*Ночь пролетела с гроулом
Над полным шепота городом*

Неразумное утро вечерней зари,
Нелепые лучики в окна,
Капельки счастья, росинки с трубы
Вниз проскользнули. Истома!
Городской шум тумана, как детский каприз
Визжащей волной опустился.
И с каждой минутой быстрее! И вниз!
Обнявшись с землей, растворился.
Неостывший кофе на балконе Москвы
Наполняет зарю кофеином.
В такие минуты я с собой на ВЫ,
Наслаждаюсь вежливым миром.
Утро, проснувшись, распахнуло ресницы,
Солнце — зрачок осветило мираж.
И вдыхаю я запах нелепой столицы,
Мечтой, обжигаясь о реальный соблазн...
Быкова Любовь

Я - подлец,
Лжец с маской мима.
Не умею проигрывать слабым,
А сильным,
Не проигрываю никогда.
Чтобы надломить шута,
Стоит отдать много звонких.
Но и тогда,
Лишь мою гордость опустите,
А меня самого вознесете в покои храма
Бесчестья и вина.
Молчанова Дарья

Маки

Рельсы надломаны, шпалы да шпалы все;
Катится поезд в прозрачной дали.
Красными пятнами с грустью опальнойю
Маки под утро меж шпал расцвели.
 Голову по ветру держат, качаются,
 Солнцу свои подарив лепестки;
 Мимо на поезде едут, прощаются,
 Слезы рукою смахнув на цветы.
Где ты останешься, капля соленая?
Морем в душе отзовешься ли ты?
Иль упадешь ты на стебли зеленые,
Те, что давно уж огнем сожжены.
 Алое зарево маков пленяющих
 Хладным железом не стеснено,
 Сколько еще поездов проезжающих
 Жаром прощальным одарит оно?
Ветер сорвет лепестки ярко-красные,
Вот и последняя искра падет -
Поезд промчится во мраке ненастия,
Только слеза угольки обожжет.
 Авдеева Ирина

НИЩЕНКА

Стоял промозглый ноябрьский вечер. Дожди не прекращались уже несколько дней, и воздух был влажный, в нем, словно пеленой, висели мелкие капельки - изморось. Порывы холодного ветра пронизывали насквозь, забирались в рукава, проскальзывали в воротники курток и пальто, заставляя прохожих вздрагивать, ежиться и плотнее укутываться в шарфы. Небо густое, серое, нависало над промерзшим городом, давило свинцовой тяжестью и отражалось в грязных лужах. Деревья давно простились со своей пестрой одеждой, теперь они беззащитно чернели среди старых домов, выделяясь своими слабыми голыми ветвями на фоне этих мощных каменных блоков. Ветер горстями кидал листья под ноги прохожим, бросал под колеса проезжающим мимо машин. Эти втоптаные в грязь жалкие клочки едва ли напоминали ту густую зелень, которая, казалось бы, так недавно хоть немного украшала теперь уже пустой город. Дождь и смог смешивались, образуя пыльный осадок на крышах, зонтах, на асфальте. Обычная московская осень. Наверное, каждый из этих лихорадочно бегущих своей дорогой людей где-то в подсознании мечтал о кружке горячего чая и шерстяном плеле. Каждый спешил скорее попасть домой, где его ждали, где было тепло. Никто не задерживался на улицах, никто не замедлял шаг, чтобы посмотреть на небо или оглядеться вокруг. Все вжимали голову поглубже в плечи и мчались, опустив глаза вниз, чтобы только не промочить ноги. Каждый куда-то стремился, куда-то рвался, лишь бы не остаться здесь, в этой вязкой темноте промозглого ноября.

Я бежала по переходу метро, лихорадочно ища в сумке зонт, так как заранее знала, что первым делом на улице получу порцию резкого ледяного порыва и брызги этого проклятого дождя в лицо.

Я думала о завтрашнем дне, очень важном. Мне предстояло вступить в новую должность, я наконец-то получила ее. А дома, наверное, еще и есть нечего, в магазин что ли забежать. Пока муж с работы не пришел, что-нибудь приготовлю, давно мы с ним не ужинали вместе по-человечески. У каждого свои дела.

Я торопилась выйти из перехода. И вдруг, вырвав меня из мыслей о каких-то повседневных мелочах на поверхность реальности, мое внимание привлекло маленькое еле живое существо, которое жалось в углу, в самом незаметном месте. Девочка, на вид лет десяти, похожая скорее на скелет, чем на ребенка. Бледная, зеленоватая кожа, огромные впалые глаза, болезненные и бесконечно несчастные. Грязная, напуганная и абсолютно беззащитная, одетая в рваную куртку и мужские ботинки на босу ногу девочка что-то шептала себе под нос. Слов было не разобрать, но я четко видела, как ее бледные, дрожащие губы бормотали какую-то бессвязную речь, а глаза, боже мой, что это были за глаза!, бегали из стороны в сторону, с ужасом вглядываясь в несущихся мимо людей. Я остановилась, как вкопанная, не в силах пошевелиться от увиденного. Ледяная волна от макушки до кончиков пальцев накрыла меня... Несколько секунд я стояла в оцепенении.

Рядом со мной прошла пожилая женщина, держа за руку совсем маленькую девочку, которая тоже заметила это существо, отдаленно напоминавшее человека, пытавшееся найти укрытие между каменными плитами грязного метро.

– Бабуль, посмотри, почему эта девочка сидит на земле и плачет?

Услышав детский изумленный голосок, я обернулась. Девочка с бабушкой остановились недалеко от меня, и девчушка, совсем непохожая на ту, которая сейчас дрожала на полу, наивно и чуть удивленно глядела в ту же сторону, что и я. Она была пухленькая, румяная, темные кудряшки аккуратно собраны в два хвостика, одетая в теплое пальтишко и новые сапожки. Малышка дергала за рукав бабушку, которая никак не могла понять, на что же ей показывает внучка. Когда она наконец увидела, она ответила надтреснувшим дрожащим голосом:

– Ей просто очень-очень трудно живется, Катенька. Не так, как нам. На, дай девочке денежки,- старушка протянула внучке смятую бумажку, которую достала из

кармана. Девочка осторожно подошла, с интересом всматриваясь в этот обессиленный комочек жизни, положила рядом деньги и, широко раскрыв полные изумления глаза, пролепетала:

– Ты только не плачь, ладно ?

Потом она быстро отошла и потянула бабушку в сторону выхода.

Нищенка, казалось, и не заметила того, что произошло, она смотрела пустыми глазами перед собой, бормотала, но не подавала других признаков жизни. Как будто вокруг нее ничего больше не существовало. Это жалкое зрелище безграничного человеческого горя сжало мне сердце с такой силой, что я больше просто не могла это видеть. Я выбежала скорее на улицу. Уже почти подойдя к дому, я вспомнила, что даже не дала милостыню. Я попыталась отвлечься, и вообще в конце концов не факт, что это действительно была нищенка, чего только не делают, чтобы вызвать в людях жалость и выклянчить денег. Я забыла о ней. Весь вечер занималась делами, убралась в квартире, приготовила ужин. Я ни разу больше не вспомнила об этом незначительном происшествии.

Но ночью мне снился какой-то странный сон. Пустота и только звук, похожий на еле слышный шорох. Я долго не могла разобраться, что это такое, и только потом поняла, что это человеческое дыхание. Такое легкое, прерывистое, слабое. Похоже на дыхание ребенка. Было очень темно, я не могла разглядеть, где нахожусь, но на ощупь двинулась к источнику звука. И вот я увидела девочку, ту самую, которую видела сегодня. Она тянула ко мне худые ручки и просила помочь ей, она говорила, что ей трудно дышать. Я смотрела, но не двигалась в ее сторону. Тогда девочка подумала, что я не понимаю ее, она стала показывать мне своими бледными хрупкими пальчиками вокруг грязной слабенькой шейки. Я молчала в ответ. Голос ребенка сорвался на крик, глаза вдруг загорелись, вспыхнули. Я прочитала в них адскую муку, но не могла пошевелиться... И тут все оборвалось.

Тишина. Вакуум. Звук сирены скорой помощи... Я вскочила, обливаясь холодным потом. Села на кровати, несколько минут пыталась отдышаться. Девочка не шла у меня из головы. Одна часть моего сознания твердила — забудь, мало ли нищих расхаживает по Москве, ты бы все равно ничего не могла сделать. А другая часть кричала, что я не помогла человеку, который, может, нуждался в моей помощи больше всего на свете.

В двух шагах от меня властвовало человеческое несчастье, я увидела его, но ничего не сделала. Я понадеялась, что на это обратит внимание кто-то другой, что кто-то другой найдет время, чтобы помочь. Ведь немало людей прошло мимо этой нищей девочки. И каждый, кто видел, думал так же, как и я. Я была свидетелем, но не попыталась ничего предпринять. А сейчас во мне горела жажда искупить вину, избавиться от этих терзаний. Что мне стоило подать милостыню и уйти навсегда? Хотя это лишь взятка собственной совести, мол, сделала, что смогла... Но я не сделала ничего.

Утром, сквозь морозящую завесу, я шла с твердым намерением что-то менять. Я не знала, что именно, но я знала, что я должна. Вошла в переход. Стук сердца участился, когда я повернулась туда, где вчера видела нищенку. Там было пусто.

Жукова Анастасия

Ни сесть, ни лечь — рождаются стихи,
По мере тленья возрождая волю.
Призвание стихами замаливать грехи
Сопровождается всегда душевной болью.
Один, два , три... Идут вперед листы.
Не сосчитать промокшие страницы.
Всю ночь стихами трезво мыслишь ты,
А кто-то сочиняет небылицы.
Я со стихами. Восприми на слух.
Когда читаешь, порождаешь мысли,
К которым каждый третий часто глух,
А каждый первый в них не видит смысла.
И кажется, что каждый стих не нов,
Но написал - и новое открытье.
Растет все выше радость от стихов
И их эмоциональное покрытие.
Бывает, в них содержится рассказ,
Повествованье иль сюжет поэмы,
Ведь через сочетанье гулких фраз
Можно оформить в стих любую тему.
Не сядешь за бумагу - все серо.
Блуждаешь в сотканном из букв архипелаге,
Пока ты все же не возьмешь перо
И не протянешь руку с ним к бумаге.
И вспомнив, что уже десяток лет,
Находишься в уединенном одиночестве,
Ты, направляя в лоб свой пистолет,
Все же допишешь этот стих. О творчестве.

Сухов Михаил

Что остается после смерти тем, кто пережил?
Чуть-чуть прозрачности небес над головою
И понимание того, что счастье хрупко:
Чуть подтолкнешь - и вдребезги, на тысячи кусков.
И боль, пьянящая, о том, что не вернуть,
Та боль, что даже время не излечит,
Которую лишь можно позабыть на время...
Но тем острее ощущение, что ты жив и -
выстрадано болью - и жизнь полней и незабвеннее,
когда она конечна.

Царенкова Юлия

Как исказит тебя отсутствие улыбки,
Как вмиг состарятся любимые черты,
Как будто вдруг посмотришь с высоты
На отражение в зеркальной глади зыбкой.
Мне страшно: я тебя не узнаю
И на тебя глаза поднять не смею,
Как будто бы любить я не умею
Тебя сильнее, чем улыбчивость твою.

Царенкова Юлия

Несбыточное

Они сидели на пляже и наблюдали очередной закат. Что было между ними общего? Да, пожалуй, и ничего. Разве что искрящийся свет в глазах, и там же где-то глубоко и одновременно на поверхности печаль и затаенная боль. На одном из них была поношенная рубашка, старые кожаные башмаки и штаны из льна. Второй тоже не отличался богатым образом: на голове шляпа, на ногах сапоги из дрянной кожи. Поверх тела была наброшена то ли ветхая мантия, то ли старое пончо, правда откуда пончо в этих местах?!

- Простите, но вы видите тот корабль?
- Ту лодочку? Да. Вижу,... а Вы видите эту галечку... она уже какой раз сюда приплывает, волны отбрасывают ее назад, но она упорно пытается выплыть на берег.
- Да, я понимаю... эх, знаете, это ведь сушая чушь. То, что говорю я, и то, что я вижу. Вы так не думаете?
- Думаю. Но я привык, и потому не замечаю. А ваш корабль, что он?
- Вы были правы, говоря, что это лодочка. Я просто хотел бы, чтобы он сумел уплыть в открытое море, но у него не хватает сил.
- Да, а знаете они этим и похожи...
- Кто? Вы о людях?
- Что вы сразу перекидываете темы, не тасуйте колоду, вы не умеете этого. Я про мою гальку и ваш корабль.
- Лодочку...
- Корабль. А то я тоже буду называть свою гальку валуном, надеюсь и на исполнения ее желаний.
- Каких желаний?
- Вы и Сами знаете. Ваша лодчонка мечтает уплыть подальше в море, туда, где не будет ни налогов, ни сварливой жены, ни пропахших вином кабаков.
- Лодочке надоели кабаки? Вы шутите!
- Хозяину лодочки точно. Но я Вам нарисовал образ...
- А что же ваш валун?
- Галька. Она хочет остаться на берегу, чтобы ее больше не мотало туда-сюда. Она мечтает прикоснуться к траве или песку и перестать тереться о грубые своих товарищей. А это уж точно невозможно.
- Не правда. Стоит лишь захотеть, а там, там поможет Случай.
- Фатум. Вы знаете такое слово?
- Слышал, но простите я из деревенских, не вспомню, что значит.
- Вы не умеете лгать. Совсем не умеете. Я же вижу вас насквозь. Не знаете вы.
- А я вот вас не могу увидеть. Хотел бы, но не могу. Та, наверное, не любишь проявлять эмоции.
- Да, не люблю. А ВЫ их проявляете слишком открыто. Не находите?
- Да, простите.
- Бог с вами. Если честно, то мне понравилось.
- А мне нет. Впервые в жизни не хочу этого. Но мы остановились на фатуме.. или как это было?!
- Фатум. Судьба, предопределенность.
- Ах, вот оно что. Да, вы, вероятно, правы. Знаете, а они ведь такие разные, хоть и связаны морем.
- Нет, не то, чтобы... да, пожалуй.
- Скажите мне тогда правду. Она, конечно, не так интересна, но мне так привычнее.
- А я вот привык лгать... но вы просили. Они очень и очень похожи.

- Чем же?
- Ваша галька и мой корабль стремятся осуществить свои мечты, хотя сами понимают, что такой возможности у них нет, но они пытаются, и вероятно, когда-нибудь их наградит Господь за такое упорство.
- Что же, вы правы. Не могу сказать, что согласен с вами, но признаться, подобные мысли я слышу впервые. Я имею ввиду что слышу умные мысли от другого человека. Это приятно.
- Взаимно
- Ох, я вот отвлекся и потерял свой валун...
- И мой корабль куда-то пропал...
- Тогда я , пожалуй, пойду. Но сначала хотел бы узнать Ваше имя. Могу ли я?..
- Да, разумеется. Королевский Шут всегда к вашим услугам. А вы?
- Пастух из Нижних Земель.
- Бедное местечко, но говорят там много умных людей. Я теперь убедился в этом.
- Шутите? Хотя да, есть такие... а вы знаете тоже превзошли мои ожидания. Возможно, мы еще встретимся...

Последний луч солнца коснулся земли и погас.

- Да, когда-нибудь...
-

Молчанова Дарья

Как грустно мне с тобой идти по свету -
Рука в руке, два проклятых скитальца -
Пытаясь удержать в холодных пальцах,
Бескровных от тоски, частичку лета.

О как же жалки мы, два скорбных друга,
цепляемся за жизнь, как за подачку
Когда уже безудержною скачкой
Разомкнут цикл магического круга.

Царенкова Юлия

Город лечит от осенней ностальгии!
Город лечит - я спешу принять лекарство.
Шаг, другой - как все вокруг прекрасно!
Восхитительно светло, как в летаргии.

Литургия. Чье-то имя на конверте,
В небе тает отзвук колокольный.
Я ловлю себя на том, невольно,
Что и н а ч е думаю о смерти.

Царенкова Юлия

Второе имя — Зазеркалье

В беспорядочных буднях вырываются зачастую такие смешные, нелепые фразы, а заметить или остановить их уже невозможно. Да и многие не видят в них никакого криминала.

Кто не говорил такой фразы как «Бла-бла-бла — это мое второе имя». Все говорили. А кто же задумывался о своем настоящем втором имени. Это же чистый сюрр, если подумать! Абсурд на абсурде, и этой необычной Пизанской башенкой упираемся прямо в вершины человеческого дня! Мое второе имя — Фарс. Иллюзия. Бутафория. Нет победы тем, кто не умеет носить масок. Когда с тебя срывают последнюю ложь, появляется странное ощущение... непередаваемое. Стыд или может что-то другое. Все-таки что-то другое... Если бы каждый обманщик снял с себя всю свою фальшь, конечно, только своему человеку. Своему ли?!

Зазеркалье — это не просто мир перевернутых вещей. Это философия Кэрролла и его учеников. Почему-то людям свойственно переворачивать все кругом, не важно, что и неважно как, главное — перевернуть. Любовь меняется на ненависть, а вера на безбожие. Даже смешно, когда видишь таких «зазеркальных» личностей¹. Они пугливы, но в глазах бушует огонь. Походка у них странная, нестандартная. Они и сами выглядят как персонажи «Алисы». Переступая эту черту, черту вседозволенности, они становятся отражениями нашего мира. Точнее нашего общего с вами мира. Каждый знает, что человек (любой) живет на два, три и т. п. миров. Один — наш внутренний, он может разрастаться до сотен и даже больше — все зависит от самого человека. А второй, он единственный, это мир, где собственно и сталкиваются Вселенные человеческой материи.

Хех, а ведь жизнь не имеет смысла, если ее нельзя с кем-то разделить. Мы посвящаем себя, прежде всего кому-то, а не чему-то.

Помнить надо всегда, что нельзя влюбляться в зеркало. Надо любить продолжение своего тела. Пусть сегодня это будет зеленое яблоко.

Всегда есть вариант, когда ты выбираешь путь не то чтобы не свой, но не тот, который хочется. Пусть лучше за меня скажет Емец: «Окупается только верность. Пурга иллюзий замечает путь».

Молчанова Дарья

Октябрь гуляет золотом по струнам
Тех утренних звенящих паутин,
По ниточкам которых, как по рунам
Ты понимаешь вдруг, что ты один.
Совсем один. И это даже лестно,
Непонятым быть суетной толпой.
На первый взгляд здесь радость неуместна.
Но в октябре ты честен сам с собой.
Ты одинок. Но солнце дарит свет,
Пусть и холодный, как глаза твоей подруги.
Октябрь не несет в себе ответ,
История опять идет по кругу.
Вернее по спирали. И душа
Стремится снова к светлым переменам,
Идет, тихонько листьями шурша,
Из точки в точку. Как по теоремам
Ты доказал ошибочность пути
Любого. Понял, истина — в движении.
От всей души желаешь ты найти
Ту точку неизбежного сближенья
С таким же одиноким словно перст
Лучом на плоскости всего земного шара,
Который осень называет Herbst
И как и ты, от внутреннего жара
Сгорает, будто листья в октябре
И как Ян Гус с улыбкой погибает,
И в Рождество, весь в зимнем серебре,
Свою постель обогревает.

Русакова Маргарита

Когда-то просят

Когда-то просят написать «три строчки»,
Когда-то тему задают свою,
Когда-то сами расставляют точки
И душу просят замолчать твою.
А ты ведь тоже чувствуешь и плачешь,
Ты тоже хочешь рассказать другим.
Что мысли, чувства в жизни что-то значат
И что никто не хочет быть один .
Тебя, однако же , никто не хочет слышать,
Тебе лишь тему снова задают.
Ты хочешь показать, что ты их выше,
Но снова из тебя веревки вьют.
Ты говоришь «согласен» и ты пишешь
Стихи, что кто-то попросил писать,
Но вдохновения ты в тот момент не ищешь,
И музу жестко просишь не мешать.
И муза, горько усмехнувшись, отвернется,
Замолкнет, наблюдая издали,
Напишешь, а «заказчик» твой смеется,
Стих заберет, и все — вы разошлись.
Он рад, доволен, ну а что с тобой?
Ты уничтожен. Ты раздавлен.
Ты думал, муза быть не может не святой,
Но для нее закрыл души ты ставни.

Себенцова Анна

Наступила осень

Наступила осень,
Золотом подуло.
Пеленой тумана
Утро затянуло.
Желтый лист смеется,
С ветерком играет
И дрожащий лед
На лужице пугает.
Скоро день настанет.
Небо разойдется,
И осенний дождик
Выпустить придется.
Солнце лучик пустит
По макушкам елей,
Ярким отраженьем
Речку обогреет.
Осень — как волшебник -
Пестрым покрывалом
Обогреет землю,
Чтоб теплее стало!

Кривина Таисия

В моих глазах ты солнце ищешь,
А я в твоих ищу тепло.
Пусть за стеною ветер свищет,
Когда ты рядом — мне светло.
Я спрячусь от безумья мира,
Нырнув в твой омут серых глаз.
Луна висит как ломтик сыра,
А лед сверкает как алмаз.
Ты обмороженные руки
Мои прижмешь к своей груди.
И голоса родного звуки:
«Прошу тебя, не уходи!»
Но я уйду, всегда уходят
Те, кто не должен уходить,
Ничто не вечно, все проходит,
И не за что меня винить.
Но не гони меня пока что,
Ведь мне с тобою так легко!
Что будет дальше — жизнь покажет,
Но это время далеко.

Русакова Маргарита

Обыкновенные

Их таких, как мы тысячи,
Их на самом деле миллионы,
Просто они не себя ищут,
А какое-то старое, позабытое нами слово.
 Не обрадоваться случайному,
 Ни всплакнуть о нечаянно прожитом.
 В их глазах свет нескончаемый,
 Руки на крылья заморских птиц похожи.
Не дарить им простых подарков,
Даже руками своими сделанное.
Но нарисовать на зрачке - в марте
Оконце хрусталя ослепительно белого.

Молчанова Дарья

Продажный творец

Кому ты говоришь о такте!
К кому ты обратил пюпитр!
Зачем молебн открыл на тайнах,
Сокрытых от чужих могил!
 Я помню, как все начиналось...
 Ты в первый раз держал меня,
 Играл нескладно, долго, странно,
 Но ты играл - и жизнь была!
Сегодня ты уже во фраке,
И лысину платком прикрыв,
Втолковываешь своим братьям,
Что музыка - пустой порыв!
 А раньше думал ты иначе,
 Ты бросил все во пламя дней
 И днем и ночью за работой
 Играл на мне, с душой моей.
Прошу тебя закрой молебны,
Уйди от внешней суеты
Сыграй еще немного жизни,
Чтоб было дело для души.

Молчанова Дарья

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КОВАЛЕНКО

Родилась 7 апреля 1980 г. в Москве. В 1996 г окончила с золотой медалью школу №1269 г.Москвы. Выпускница МГУ им.Ломоносова (факультет журналистики). Знала немецкий, английский, чешский и испанский языки. Работала корреспондентом программы «События» ТВ Центр (Москва). С детства интересовалась драматургией и живописью, посещала мастер-класс в Российской академии художеств. 13 октября 2000 г. погибла в автокатастрофе. Похоронена в г.Таррагона, под Барселоной, Испания.

С октября 2000 г. – многочисленные выставки картин в России и за рубежом (Франция, Испания), в том числе в Московском музее современного искусства (Петровка,25), в музее Эклибриса, Испанском центре, институте Сервантеса, галереях Интерколор, «Аквамарин» и др. Образ Евгении запечатлен в портретах народных художников России Ильи Глазунова и Игоря Обросова, французский художник Г.Юон-Эргин посвятил ей свою выставку «Новое путешествие Евгении». Пьеса Евгении Коваленко «История болезни любви» представлена на театральных сценах (с апреля 2002 г. – Центр В.Высоцкого, реж. Р.Сотириади), Иркутский молодежный театр «Лики» (2007 г.). Спектакль – дипломант 3-го Международного фестиваля «Театр детства и юности -21 век» в Воронеже (октябрь 2003 г.), Международного театрального фестиваля молодежных театров (Пфорцхайм, Германия 2007). Картины Евгении представлялись на ежегодном Международном фестивале «Август» памяти поэта Ильи Тюриня (Москва-Пушкинские горы) – август 2004-2010 гг.

2006 г. - Мемориальный музей Евгении Коваленко «Вечные 20 лет» (в школе №1269, 3-я Владимирская ул, 26а) получил сертификат о соответствии статусу «Музей образовательного учреждения» правительства Москвы – департамента образования (№229).

Изданы книги-альбомы, посвященные творчеству Евгении.

Книга «Евгения Коваленко. Вечные 20 лет» внесена в каталог Библиотеки Конгресса США (№ 2005371706), пьеса «История болезни любви» переведена на немецкий язык.

Музей поддерживает постоянные контакты с Московским музеем современного искусства (Петровка, 25), в экспозиции которого находится большая коллекция картин Евгении Коваленко.

В планах музея — ежегодный выпуск Альманаха с лучшими творческими работами учеников школы №1269.

Адрес школы: 111401, Москва, 3-я Владимирская ул., 26А.
Телефон: 305-70-20

<http://www.netslova.ru/kovalenko/>
<http://www.artinfo.ru>
<http://istoria.pochta.ru>
<http://dsd1269.ucoz.ru>

Евгения Коваленко. Эскизы из серии «Танец», 1999

Из жизни школы № 1269

